

Иван Дубровин сидел дома за столом в горнице. На столе стояли бутылка водки и тарелки с остатками закуски.

Пить он начал ещё днём, во время обеда. По радио шёл репортаж с Красной площади. Зашёл сосед Степан. Выпили за Победу. Потом за родителей. Их отцы ставили дома ещё до войны. Оба с фронта не вернулись. Со Стёпкой они дружили с малолетства. К вечеру захмелевшего Степана увела домой жена.

Радио работало на полную громкость, фронтowymi песнями возвращая его память в послевоенные годы его юности. Подпевая звучащим из динамика знакомым мелодиям, он думал об отце, ушедшем на фронт в сорок втором, когда ему было пять лет, которого он толком то и не помнил. Расчувствовавшись от музыки, от жалости к себе, сдерживая слёзы, он выпивал, размышляя о своей не сложившейся судьбе, мрачнее и наливаясь злостью на окружающий мир с каждой выпитой рюмкой. Жена с дочкой ещё днём ушли к теще сагать картошку.

Иван сидел у открытого окна, изредка бросая затуманенный взгляд на лежащую внизу, под горой, ленту реки и прилегающие к ней кварталы. Поток свежего воздуха, влетая в окно, освежал лицо, вспотевший лоб, помогая бороться со сном. Проходящие вдоль реки составы редкими гудками тепловозов и перестуком колёс заглушали звуки летящей из окон домов музыки. Вереница крыш вагонов, уходящих и исчезающих за поворотом, каждый раз напоминала ему о том, что где-то там, за поворотом, далеко, есть другая жизнь, другие города, которых он не видел.

Услышав радостный крик сына:
— Батя! Салют! — Дубровин-старший очнулся от раздумий и тяжело поднялся из-за стола.

Сняв со стены ружьё, прихватив патронташ, пошатываясь, он медленно вышел из дома и, встав между грядок, бросив патронташ на вкопанный в землю столик, зарядил стволы. Беспорядочная стрельба, свистящие звуки взлетающих ракет, крики, летящие со всех сторон, слились в один нескончаемый гул.

— Победа-а-а! — донеслось от соседних домов.

Подняв в руке ружьё, Иван молча два раза подрав выстрелил в небо. Сквозь рассеивающийся

звук выстрела он услышал залихватский свист сына. Заложив два пальца в рот, Вовка отчаянно свистел при появлении новых всполохов над городом. Подсвеченная огнями салюта фигура сына внезапно напомнила ему тестя. Вовка унаследовал от деда не только черты лица, но и походку, движения рук, поворот головы — всё было в точности как у тестя. Воспоминания об отце жены всегда вызывали у него чувство досады.

Когда Иван начал ухаживать за Валентиной, тесть, заметив как-то слёзы на глазах дочери, сказал ему коротко и резко: «Обидишь Валентину — я тебя вот на этот штык, как муху на иголку, насажу», — загнав при этом страшным ударом трёхгранное остриё в доску деревянных ворот. Мужик он был крутой, и Иван не сомневался в его словах. Отца Валентины уважали в посёлке. По слухам, до войны в драке ему не было равных. В сорок втором Семён Михальч ушёл на фронт. Ему было тогда сорок лет. Дома остались жена и маленькая пятилетняя дочка. Вернулся Семён в сорок пятом, с двумя орденами Славы, медалями и тяжёлым ранением.

Свадьбу Иван с Валентиной сыграли за месяц до его призыва в армию. Потом Валентина забеременела. Вовку она родила в пятьдесят шестом, когда Иван, уже после «учебки» в Ленинграде, попал на эсминец в Севастополь. За четыре года службы в отпуск домой он приезжал два раза. В Севастополе, на второй год службы, в увольнении он познакомился с Тamarой, дочкой офицера штаба флота. Жаркие летние вечера, море, походы в кино, прогулки по набережной — и Иван влюбился в юную морячку без памяти. Когда пришло время демобилизоваться, надо было принимать судьбоносное решение. Что его тогда склонило ломать жизнь и не начинать её заново, с чистого листа? Больше всего чаша весов склонилась к возвращению в семью из-за отца жены. При воспоминании о том разговоре, когда тесть сравнил его с мухой, у Ивана холодело внутри. Он избежал сцены расставания с Тamarой, не сказав ей о дне демобилизации. На вокзале, перед отходом поезда, Иван написал ей короткое прощальное письмо и не оставил обратного адреса. Сейчас он жалел об этом. Тесть ушёл в мир иной три года назад. Засевший в голове Ивана панический страх перед

ним исчез, и с того момента он запил, понимая, что живёт не своей жизнью. Вымещая своё зло на жене, он частенько по пьяни пускал в ход кулаки. Когда сын заступался за мать, то доставалось и ему.

Иван машинально перезарядил стволы и салютовал ещё раз двумя выстрелами в небо. Вовка подошёл к отцу.

— Батя! Дай стрельнуть.

Вытащив из стволов отстрелянные гильзы, отец молча протянул ему ружьё. Вернувшись в дом, Иван налил полстакана водки и выпил, не закусывая. Праздник его не радовал. Наоборот, неподдельная радость Вовки ещё больше распалила его злость на то, что сын родился до кончиков волос в породе жены. С затуманенным взором, опираясь руками на стены, шатаясь, он снова вышел из дома.

Вовка, видя состояние отца, молча протянул ему ружьё и отбежал в сторону смотреть салют, где дом не загромождал лежащий внизу город.

Иван зарядил двустволку и выстрелил в небо. Внезапно из наступающей на посёлок темноты слабый свет от падающих вниз угасающих огней последних ракет выхватил на несколько секунд стоящую на краю огорода спиной к нему тёмную расплывчатую фигуру.

Иван от неожиданности вздрогнул. Земля уплыла у него из-под ног.

— Семён Михалыч?! — прошептал он испуганно.

Контуры фигуры Семёна Прохорова расплывались в глазах, и в пьяной голове в памяти возникло лицо тестя, его гипнотизирующий голос и пронизывающий взгляд.

Иван вытер испарину со лба, соображая, где он и что же ему делать. Сердце колотилось сотней ударов в минуту. Многолетний страх, сидевший в нём глубоко внутри, внезапно выплеснулся наружу.

Машинально открыв стволы для заряджания, он начал вытаскивать отстреленные патроны, как вдруг спасительная мысль молнией пробилась его сознание: «Может, закончить всё одним выстрелом?» Тогда, в том памятном разговоре с Семёном Михалычем, он был беззащитен, а в этот раз ружьё у него в руках, и он сможет постоять за себя!

Внезапно подумав об этом, он тут же утвердился в своём решении, что только выстрел из обоих стволов в эту мерцающую фигуру, сейчас и немедленно, двумя жаканами, которые разорвут эту тень из прошлого в ключья, станет его единственным спасением от засевшего в голове занозой многолетнего страха, возникающего каждый раз холодом внутри, когда память при взгляде на сына возвращает ему из прошлого леденящий взгляд тестя — Семёна Прохорова.

Непослушными пальцами он взял из патронташа последние два патрона. Обычно легко и плотно заполняющие пространство воронёных стволов,

в этот раз, словно прочитав его мысли, картонные цилиндры, начинённые порохом, не хотели вставать на предназначенное им место. Но вот жёлтые латунные основания смертельных зарядов с кругляшками капсулей прикрыли срезы стволов.

Из открытого окна донеслась музыка. «На рейде большом стоит тишина», — услышал он слова знакомой песни, и память вернула его туда где он был юн и счастлив. Яркой вспышкой перед глазами возникла картина набережной Севастополя, всплеск волн, набегающих на берег. Туда! Туда он должен вернуться! Начать всё сначала! Там! Там, в шуме моря, во влажном воздухе прибоя, должна проходить его жизнь!

Бросив последний взгляд на блестящие латунные гильзы, Иван защёлкнул стволы, медленно поднял ружьё и, прижавшись щекой к прикладу, прицелился в тёмную фигуру. Ствол ружья шатался и падал вниз в непослушных руках. Мушка и фигура в уже сумеречном свете расплывались в глазах. Рука и палец на спусковом крючке стали мокрыми от пота.

«Не будет больше прохоровской породы, и кончатся твои страдания! Стреляй! Ну же! — шептал ему внутренний голос. — Стреляй!»

Вдруг неожиданно вышедшая из-за облака полная луна осветила дом, огород, блеснув жёлтым лучом с воронёного ствола ему в прицелившийся глаз. Иван вздрогнул и, оторвав голову от приклада, вернулся в реальность, разглядев в расплывчатой фигуре стоящего на линии огня сына. Вовка стоял к нему спиной, по-прежнему рассматривая лежащий внизу город. Иван почувствовал, как внутри всё похолодело, тонкая струйка пота покатила по спине между лопаток.

Иван обернулся по сторонам и, испугавшись, что кто-то из соседей заметит, что он целится в сына, опустил ружьё, застыв на месте. Всё его тело сотрясала мелкая дрожь.

— Батя! Дай ещё раз стрельнуть! — голос сына вывел его из оцепенения.

Глаза его закрывались от усталости, смертельно хотелось спать. Протянув сыну оружие, он усилием воли ещё смог выговорить:

— Повесь ружьё. Патронов больше нет!

Сделав шаг к дому, Иван потерял равновесие и чуть не свалился на землю, но, подхваченный Вовкой, устоял. Опираясь на плечи сына, он добрёл до дивана и упал на него, заснув смертельным сном.

Уложив отца, Вовка повесил ружьё на стену. Свинцовые жаканы, зажатые в картонную оболочку патронов, остались в стволах, готовые выполнить волю человека. Они не набрали скорость в полёте от взорвавшихся в стволе ружья пороховых газов. Не вылетев из ствола, они не набрали энергию разрушения и убийства. Мягкий свинец впитал в себя нечто другое: предназначенное

человеком, оставившим его в стволе, сакральное назначение—убивать.

Вовка возвращался из школы. Зайдя во двор, он услышал крики матери, доносившиеся из раскрытого окна кухни, вперемешку с громкой матерщиной отца, громившего посуду. Вовка залетел в дом. Отец избивал мать, доставая её кулаком в закутке между печкой и стеной, куда она забилась, ища спасения.

Ухватив отца сзади за плечи, Вовка резко, что есть силы, оторвал его от матери. Пошатнувшийся отец удержал равновесие, ухватившись за выступ печи.

— Не трогай мать!— закричал Вовка на отца.

Пьяный отец, развернувшийся к Вовке, пошатнувшись на нетвёрдых ногах, с перекошенным от злости лицом заорал:

— Ах ты, сопляк! Да я тебя!..

Он замахнулся на Вовку, пытаясь ударить его в лицо. Вовка поднырнул под вылетевшую ему навстречу руку и с левой, сжав пальцы в кулак, ударил отца в лицо. Удар пришёлся между носом и глазом. Опешивший отец чуть покачнулся, потрогал рукой место удара и провёл рукой под носом, размазывая текущую из ноздри кровь. Увидев на руке следы собственной крови, он взревел от бешенства: — Что-о-о?! Ты на отца! Руку поднял?! Убью-ю!

Он схватил подвернувшуюся под руку стоящую у печки кочергу и, замахнувшись, нанёс удар по отступающему к выходу из дома сыну. Вовка увернулся. Кочерга врезалась в выбеленную стену, раскрошив в брызги белую известковую штукатурку. От второго удара он тоже ушёл, броском прыгнув в дверной проём комнаты. Залетев в комнату, он инстинктивно бросился к висящему на стене охотничьему ружью. Отец забежал в комнату следом.

— Я тебя, мать твою! Отучу, как на отца руку поднимать! Не трожь ружьё!

Удар кочерги догнал Вовку в тот момент, когда он срывал ружьё со стены. Резкая боль на секунду парализовала его, но, понимая, что за этим ударом сейчас последует другой, он повернулся, держа ружьё двумя руками. Поднятое над головой ружьё приняло следующий удар, защитив Володькину голову от смертельной опасности. На следующем замахе отца поднятая вверх кочерга задела люстру на потолке. Во время этой двухсекундной заминки Вовка взвёл курки и направил ствол ружья на отца, в надежде угрозой оружия остановить драку, отчаянно крикнув:

— Батя, не подходи!!

— Да оно не заряжено! Щенок! Убью!— заорал отец, шагнув вперёд, в слепой ярости нанося очередной удар по Володьке.

Рука с кочергой летела вниз, грозя раздробить Вовке голову, когда он инстинктивно нажал на

спусковой крючок. Неожиданно прогремел выстрел. Вылетевший из ствола свинцовый жакан двенадцатого калибра отбросил отца к окну, пробив ему грудь в районе сердца сквозным смертельным ранением, разбив следом вдребезги одно из стёкол в окне, вмиг окрасив окно и белые шторы красными пятнами. Отлетевший спиной к окну отец тяжестью тела вынес из оконного проёма наружу летнюю раму, которая со звоном упала на траву в палисаднике. На секунду отец задержался в падении на подоконнике, в недоумении бросив последний затухающий взгляд на сына. Выпустив из руки кочергу, зазвеневшую на полу, в неожиданно наступившей тишине, нарушаемой тяжёлым дыханием Володьки, он с хрипом, медленно, головою вниз перевалился через подоконник.

Забежавшая в комнату на грохот выстрела мать, увидев стоящего с ружьём трясущегося сына и забрызганную кровью занавеску, подбежала к окну. Раздался дикий визг. Вовке показалось, что этот нестерпимый звук никогда не кончится! Мать то истошно визжала, смотря в окно, то, повернувшись и глядя на тяжело дышащего сына, переходила на рёв и вой, перемешанный со всхлипыванием и перехватом дыхания, и снова после взгляда в окно издавала дикий визг обезумевшего человека.

На ватных ногах, волоча по полу ружьё за брезентовый ремень, Вовка заставил себя подойти к окну. Бросив взгляд на окровавленное тело отца, он резко отвернулся и упёрся лбом в прохладную штукатурку стены.

«Как так?! Что это?! Почему?!— лихорадочно думал он.— Откуда здесь патрон?»

— Патронов же не было!— с надрывом в голосе заорал он, ломая ружьё, открывая заднюю часть стволов.

В каждом стволе желтело по патрону!

— Как же так?! Почему?!— он застонал и непослушными пальцами машинально вытащил правый отстреленный патрон, который зачем-то сунул в карман, затем поднял и защёлкнул стволы.

Он стоял, ничего не видя перед собой, словно в тумане, и очнулся, только когда в комнате вдруг стало тихо. Звенящая тишина длилась не больше двух-трёх секунд— и снова взорвалась отчаянным, безысходным плачем матери. Она уже стояла перед ним на коленях, зажав опущенную вниз голову обеими руками, и, раскачиваясь всем телом из стороны в сторону, хватая ртом воздух, голосила. — Что ты на-аде-ела-ал! А-а-а-а! Что ты на-аде-ела-ал! А-а-а-а!— повторяла она без конца, постепенно всё тише и тише, повторяя одну и ту же фразу.

Силы оставили её, и она беззвучно повалилась набок. Володька, тяжело дыша, наклонился к матери.

— Мама! Мама!— зашептал он, тряся её правой свободной рукой за плечо.

Несколько нескончаемых минут он тряс её обеими руками за плечи, бросив на пол ружьё, пытаюсь привести в чувство. Пульс на её руке от дрожания его собственных пальцев не прослушивался. Вовка стонал и подвывал одновременно, в горячке повторяя:

— Мама! Мама! Мама!

Он прикладывался ухом к её лицу, пытаюсь уловить дыхание, и на фоне собственного бешеного дыхания ничего не слышал.

«Сердце не бьётся! Не бьётся! Не бьётся!!» — мысль стучала в висок с каждым ударом пульса.

Он стоял перед матерью на коленях, держа её за руку. Но вот он захотел встать, в надежде бежать куда-то за помощью, и, поднимаясь с колен, разжал ладонь. Рука матери со стуком упала на пол. Застыв на мгновение от этого звука, он удивлённо посмотрел на безжизненно упавшую руку.

Страшная мысль, как молния, пробила его сознание: «Это я убил её! Я!»

Вовка схватил с пола ружьё и, размазывая по лицу слёзы, попятился к открытым дверям. Сквозь пелену, расплывающуюся перед глазами, он ещё несколько секунд посмотрел на лежащее на полу тело матери и, рыдая, выбежал из дома. Забежав в сарай, воя от накатившегося на него горя и ужаса, он торопливо скинул с ноги правый полуботинок и взвёл курок на левом стволе. Прислонившись к стене сарая, Вовка опустил ружьё прикладом на землю, уперев стволы ружья себе в грудь. Большим пальцем ноги нащупал изгиб спускового крючка, зажмурил глаза и, издав мучительный крик, резко надавил ногой вниз. Выстрела он уже не услышал.

Прибежавшие на выстрелы соседи вызвали милицию и скорую помощь. Валентину увезли на скорой в больницу.